

«От тебя, с тобою и к славе твоей»: Пётр II как Пётр I

Екатерина Болтунова

«From thee, by thee, and for thy glory»: Peter II as Peter I
*Ekaterina Boltunova (National Research University Higher School
of Economics, Moscow, Russia)*

Правление императора Петра I создало новый социальный, политический и даже символический нарратив в истории русского XVIII в. Для Екатерины II, Елизаветы Петровны и даже Анны Иоанновны иных стратегий власти, кроме апелляции к мифу Петра, очевидно, не существовало. Речь шла лишь о поиске возможностей и вариантов использования этого мифа. Вместе с тем краткое правление императора-подростка Петра II, вступившего на престол всего через два года после смерти деда, как кажется, могло стать началом альтернативной практики легитимации власти.

С одной стороны, классическая историография трактует царствование Петра II как период борьбы различных политических течений, сторонники одного из которых стремились к отказу от петровской линии развития и связывали своё будущее с прошлым, т.е. с возвращением старорусских порядков. Отказ от продолжения реформ, серьёзное снижение внешнеполитической активности, возвращение столичных функций Москве воспринимаются именно как попытка пересмотра петровского наследия. С другой стороны, обращает на себя внимание особое положение Петра II среди всех наследников первого русского императора. В отличие от Екатерины I его образ формировался фактически вне личного участия Петра Великого. Кроме того, на троне оказался монарх, право которого на престол было поддержано как традицией (мужской представитель династии, внук монарха), так и законом («Тестаментом» Екатерины I). С точки зрения легитимности позиция Петра II была для XVIII в. почти исключительной. Немаловажно и то, что юный возраст монарха практически исключал его личное участие в развитии собственного образа. Последний создавался теми, кто сосредоточил в своих руках реальную власть, т.е. сначала А.Д. Меншиковым, а затем членами Верховного тайного совета, прежде всего Долгорукими. Все они имели собственное представление о репрезентации власти, не обязательно совпадавшее с установками Петра Великого.

С самого рождения будущему Петру II было предписано стать богоданном подобием, продолжателем дела великого деда. Проблема, однако, заключалась в том, что в этой роли оказался не он один. Как известно, 1715 г. положил начало уникальной династической ситуации: род Романовых пополнился сразу двумя Петрами. Спустя две недели после рождения сына у царевича Алексея и его супруги Шарлотты Вольфенбюттельской в семье Петра I и его уже законной жены Екатерины также появился наследник – Пётр Петрович (17 октября

1715 г. – 25 апреля 1719 г.), которого родители ласково именовали «Шипешкой». И сын, и внук посредством имянаречения апеллировали к образу Петра I, указывая на преемственность власти, но образуя при этом две параллельные, противостоящие друг другу линии.

Наречение ребёнка именем святого, в день памяти которого он появился на свет, не стало традицией для Романовых, тогда как получение имени уже усопшего родственника, напротив, было актуальной практикой. Так, царевич Алексей Петрович также был назван в честь деда, царя Алексея Михайловича, а небесным покровителем обоих был Алексей, человек Божий. Но в 1715 г. оба мальчика получили имя монарха, пребывавшего в расцвете сил. Помимо этого, в паре дед / внук младенец повторял не только имя деда, но и его отчество. К тому моменту в семье царевича Алексея уже была дочь Наталья Алексеевна, полная тёзка любимой и единственной родной сестры Петра I царевны Натальи Алексеевны. Имянаречение детей Петра I позволяет отчасти проследить перемены в отношении монарха к самому себе. Двое первых сыновей императора и Евдокии Лопухиной носили созвучные имена Алексей и Александр. Назвав сына собственным именем, царь прямо указал на важность появления второго Петра, наследника, которому можно было бы доверить престол и новую идею.

Период с момента рождения двух Петров – сына и внука – до кончины царевича Алексея был переломным для царствования Петра I. Вопрос о престолонаследии стал ключевым, серьёзно возросла активность Меншикова и Екатерины, очевидно оказывавших сильное давление на Петра I в стремлении привести к наследованию детей, рождённых в новом браке. О таком контексте свидетельствуют сохранившиеся изображения Петра Петровича – миниатюра Г. Мусикийского «Конклюзия на престолонаследие» (1717) и «Портрет царевича Петра Петровича в образе Купидона» Л. Каравакка (1716)¹. Если верить принятой датировке, то вторая картина, где рядом с Петром Петровичем на подушке лежат корона, лента и орден Св. Андрея, возможно, была создана ещё до бегства царевича Алексея Петровича за границу. Ещё более эксплицитно выражены претензии на престол в «Конклюзии», на которой Пётр I указывает на Петра Петровича как на будущего наследника. Оба изображения были заказаны и преподнесены царю Меншиковым². Одновременно Екатерина также начинает позиционироваться как царственная особа. За один только 1717 г. она обрела два роскошных парадных портрета, работы К. де Моора и Ж.-М. Натье, а также была запечатлена на упомянутой миниатюре Мусикийского.

Противоречие, заложенное в именах мальчиков, было лишь одним из проявлений конфликта венценосного отца и «непотребного» сына. Как известно, 27 октября 1715 г. (т.е. спустя две недели после рождения у царевича сына) Пётр I передал Алексею письмо, в котором, помимо требования изменить образ жизни, содержалась угроза лишения его права на наследование престола. Очевидно, справедливо мнение М.П. Погодина, повторённое затем Н.И. Павленко,

¹ Здесь память прошлого ещё жива вокруг. Дворец Меншикова, 1711–2011. Каталог выставки / Под ред. А.А. Дутова. СПб., 2011. С. 32.

² В качестве аргумента датировки приводят цитату из письма Меншикова Петру от сентября 1716 г.: «Посылаю к Вашему Величеству угодной Вам презент... персону дражайшего Вашего Купида» (См.: *Калязина Н.В., Комелова Г.Н.* Русское искусство петровской эпохи. Л., 1990. № 115).

о непосредственной связи между этим ультиматумом и появлением на свет двух Петров – сына и внука³.

Казнь царевича и скорая смерть Петра Петровича изменили ситуацию. В 1720-е гг. иностранцы прямо называли царского внука одним из претендентов на престол⁴. Вероятно, и сам император не исключал такой возможности. Так, обращает на себя внимание появившийся в 1722 г., т.е. в год публикации указа о престолонаследии, портрет петровских внуков кисти Л. Каравакка «Пётр Алексеевич и его сестра Наталья Алексеевна в виде Аполлона и Дианы». Если в самом приёме мифологического олицетворения нет ничего удивительного, то выбор Аполлона может трактоваться как отсылка к европейской, прежде всего французской, символике власти.

Пётр II вступил на престол 7 мая 1727 г. Переход власти был оформлен как трёхчастное действие, включавшее правовую (юридическую), военную и религиозную части. Причём первая как бы обрамляла всю церемонию, начавшуюся с присяги «знатных особ» в Большом зале Зимнего дома, а закончившуюся чтением екатерининского «Тестамент», который был подписан присутствующими членами династии и высшими чиновниками⁵. Такое реверсивное развитие событий (сначала присяга, затем объявление монаршей воли), помимо главной задачи – обеспечения безопасности передачи власти в ситуации политической нестабильности, было также направлено на укрепление легитимности нового монарха: престол переходил великому князю Петру согласно устоявшейся, всем известной традиции, лишь подчёркнутой «Тестаментом» Екатерины I.

Военная и религиозная части ритуала были выдержаны в духе начала века: «А как все знатные особы присягу учинили, тогда его величество со всеми теми знатными особами изволил выйти пред Зимний дом к полкам гвардии, которые тогда поставлены были вокруг его величества дому в параде, которым того ж времени объявлено, что его высочество удостоен императором Российской империи и о преставлении его величества». За многократными криками «Виват!», пушечной пальбой из крепости и с Невы последовала присяга Преображенского и Семёновского полков: «По поздравлении его императорскому величеству все прежде офицеры гвардии при его величестве чинили присягу и допущены были к руке, а потом все унтер-офицеры и солдаты поротно присягали»⁶. Затем в домовый церкви Зимнего дворца была совершена литургия. Таким образом, в центре церемонии оказывались армия, точнее гвардейские полки Петра I, и церковь. Царствование Петра II началось с демонстрации приверженности православным традициям и военному дискурсу великой петровской эпохи. Образ будущего императора начал обретать некоторые очертания.

Осмыслить новое царствование стремились в первые дни правления Петра II и находившиеся в России дипломаты. Согласно «Известию о кончине

---

³ *Погодин М.П.* Суд над царевичем Алексеем Петровичем. Эпизод из жизни Петра Великого // Непотребный сын. Дело царевича Алексея Петровича. СПб., 1996. С. 432; *Павленко Н.И.* Царевич Алексей. М., 2008. С. 66.

⁴ *Брикнер А.Г.* Русский двор при Петре II. 1727–1730. По документам венского архива // Вестник Европы. 1896. Кн. 1. № 1. С. 100–101.

⁵ РГАДА, ф. 158, оп. 3, д. 62, 1727 г., л. 2–3. Расширенную версию протокола, которую приводит в своей книге К. Арсеньев, подписали также высшие военные и гражданские чиновники, ряд гражданских лиц (*Арсеньев К.* Царствование Петра II. СПб., 1839. С. 135–136).

⁶ Повседневные записки делам кн. А.Д. Меншикова (1716–1720, 1726–1727 гг.) / Под ред. С.Р. Долгова, Т.А. Лаптевой // Российский архив. Т. 10. М., 2000. С. 547.

государыни императрицы Екатерины Алексеевны... и о вступлении на Всероссийский престол государя императора Петра II», на следующий день после смерти императрицы к «чужестранным министрам» был послан действительный статский советник Василий Степанов, который должен был сообщить им о смерти «блаженная памяти государыни Екатерины Алексеевны» и о том, что «его императорское величество как по ея тестаменту так и по праву наследства восприял скипетр Российского империя». Ответы последовали незамедлительно и были идентичными по содержанию, но разными по форме. Практически каждый говорил о преемственности. Однако «эмоциональный» швед назвал юного российского монарха истинным наследником, произошедшим «от чресел древних российских императоров», а голландский резидент выразил желание «дабы его императорское величество Петр Второй не токмо подобен был Петру Первому, но дабы еще и онаго превзойти мог»⁷.

Автором первой версии образа Петра II – императора, бесспорно, был А.Д. Меншиков, ставший после смерти Екатерины I регентом при малолетнем монархе. Известно, что у светлейшего князя были собственные покои в Зимнем доме (третьем Зимнем дворце Петра I)⁸, где, согласно «Повседневным запискам», он и провёл ночь на 7 мая 1727 г., после смерти Екатерины I. Решение вполне понятное, если учесть, что вопрос о престолонаследии предстояло решать на следующее утро. Но ни после принесения присяги Петру II, ни в течение последующей недели Меншиков не вернулся в свой дом. Он появился на Васильевском острове только 14 мая, но уже вместе с императором Петром II и его сестрой Натальей⁹. Князю потребовалась неделя на то, чтобы убедить юного императора сменить место жительства.

«Повседневные записки» Меншикова исключительно интересно описывают процесс «уговаривания» ребенка. 7 мая в 10 часов утра великий князь «принял императорский престол», а спустя два дня он и великая княжна Наталья Алексеевна посетили Меншикова в его дворцовых покоях. 10 мая оба вновь пришли в «покой его светлости», после чего вместе отправились в Летний сад, где осмотрели «полаты готовящиеся к житию Его величеству» в Летнем дворце. В тот день Меншикову удалось привезти юного престолонаследника и его сестру в свой дом на Васильевском острове. Здесь император обедал и гулял по саду. Вечером все трое вернулись в Зимний дворец. На следующий день Пётр II снова посетил дворец князя и «был в покоях светлейших княжен», т.е. дочерей Меншикова, однако вечером вернулся в Зимний. 14 мая император и великая княжна Наталья Алексеевна приехали к Александру Даниловичу на обед, на котором, помимо князя «с фамилиею», присутствовали министры и камергеры. Гости изволили «кушать в Плитковой, и откушав, в 11-м часу изволили поитить почивать. Его величество и ее высочество великая княжна в покоях светлейшаго князя Александра Александровича, а его светлость в своих покоях». 16 мая, после похорон Екатерины I, император вместе с сестрой вернулись уже не в Зимний, а в Меншиковский дворец. Здесь они провели те несколько месяцев, что Александр Данилович находился у власти¹⁰.

⁷ РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 47, л. 5–8.

⁸ Записка о кончине государыни императрицы Екатерины Алексеевны и о вступлении на престол государя императора Петра II Алексеевича. СПб., 1913. С. 1–4; Повседневные записки делам кн. А.Д. Меншикова... С. 546–548.

⁹ Повседневные записки делам кн. А.Д. Меншикова... С. 546.

¹⁰ Там же. С. 547–548, 551–552.

Перевезя к себе Петра II, Меншиков de facto превратил свой дворец в императорский, мгновенно отодвинув монаршие резиденции на противоположной стороне реки. Немаловажно, что заседания Верховного тайного совета в тот период (с мая по начало сентября) проходили в Летнем дворце, где до вмешательства светлейшего князя планировалось разместить Петра II¹¹. Необходимость собираться в опустевшем дворце, где в лучшем случае находилась лишь цесаревна Елизавета, пока весьма далёкая даже от мыслей о престоле, не могла не вызывать недовольства со стороны остальных верховников, поскольку наглядно демонстрировала их пошатнувшийся статус.

Любопытно, что позже превращение своего дворца в центр власти стало одной из «вин», вменяемых светлейшему князю. Принято считать, что в «Проекте манифеста императора Петра II с объявлением преступлений кн. А.Д. Меншикова против самодержавной власти и государства» от 19 декабря 1727 г. первым пунктом значилось принуждение к обручению с Марией Меншиковой¹², однако на самом деле формулировка этой части документа значительно сложнее: «По преставлении бабки нашей, блаженные и вечнодостойная памяти ея императорского величества, принудил нас жить в доме своем, лукавко представляя и внушая нам некоторыя в правительстве нашем опасности, и потом дерзнул нас принудить на публичный зговор к сочетанию нашему на дочери своей, княжне Марье, уграживая, ежели б мы на то не соизволили, весьма нам противным и вредительным злым своим намерением». Согласно этому тексту, сам факт обручения с Меншиковой находится в тесной связи с переездом в дом светлейшего князя, поскольку он открыл возможность как для «лукавства», так и для угроз, применённых в отношении императора. Причём в черновом варианте вопрос переезда во дворец Менишкова ставился ещё более жёстко: «Будто предков наших, их императорских величеств, их императорския дома к нашему пребыванию не точию не довольны, но и весьма нездоровы»¹³.

Между прочим, в Меншиковском дворце в то время появился также «покой государыни цесаревны Елисавет Петровны». В «Повседневных записках» князя за 17 мая есть пометка о том, что Елизавета «тогда... изволила иметь резиденцию в доме его светлости»¹⁴. Правда, «тогда» распространялось на несколько дней, а не месяцев, и Елизавета не слишком долго оставалась в доме князя. В середине июня 1727 г. она уже жила в Летнем дворце¹⁵. Очевидно, однако, что Меншиков в целом стремился контролировать и Елизавету, находившуюся в Петербурге и значившуюся в екатерининском «Тестаменте» следующим после Петра II претендентом на престол. При этом старшая дочь Петра I Анна, выданная замуж за герцога Голштинского Карла-Фридриха в мае 1725 г., кото-

¹¹ Там же. С. 547, 582.

¹² Договорённость о браке Петра II и одной из дочерей светлейшего, возможно, была достигнута ещё при жизни Екатерины, в марте 1727 г. (*Михневич В.О.* Две невесты Петра II // Исторический вестник. 1898. № 2. С. 191). В историографии существует предположение, что «Тестамент» Екатерины I содержал пункт (№ 12) об обязательном браке вел. кн. Петра с княжной Меншиковой, опущенный позднее при публикации текста в Полном собрании законов Российской империи. Такую версию высказал В.А. Томсинов, ссылаясь на немецкий текст завещания императрицы, опубликованный в Стокгольме в год её смерти (Законодательство Екатерины I и Петра II / Сост. В.А. Томсинов. М., 2009. С. XXX).

¹³ Крушение полудержавного властелина (Документы следственного дела А.Д. Меншикова) // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 95–96.

¹⁴ Повседневные записки делам кн. А.Д. Меншикова... С. 552.

¹⁵ Там же. С. 561–562.

рая могла претендовать на престол и, очевидно, воспринималась Меншиковым как прямая угроза, была вместе с мужем спешно, почти скандально отправлена в Голштинию всего через два месяца после смерти Екатерины I.

В РГАДА сохранилось дело, отражающее спешность сборов: корабли «Дербент», «Св. Михаил» и «Принц Евгений», на которых супруги отбыли из Петербурга, должны были осуществить поход «с прилежанием» и «чтобы не было остановки», дабы по высадке герцога и герцогини привести эскадру в Кронштадт как можно быстрее из-за «глубокого осеннего времени»¹⁶. Показательно, что содержание Анны Петровны и Карла-Фридриха стало одним из первых предметов обсуждения в Верховном тайном совете. Вопреки ожиданиям цесаревны, требовавшей выплаты причитающегося ей по завещанию Екатерины миллиона рублей, ей было назначено содержание в 100 тыс. в год, и за их получение ещё пришлось побороться¹⁷. При этом было объявлено, что остров Эзель, доходы с которого должны были идти на содержание герцога и герцогини Голштинских, не будет передан супругам. Очевидно, что такое поведение имело целью даже не столько ограбить Анну, что впоследствии было зафиксировано в «винах» Меншикова¹⁸, сколько оскорбить её и герцога, заставив их уехать из России как можно быстрее.

17 мая 1727 г., т.е. на следующий день после переезда Петра II во дворец, состоялась значимая символическая акция, со всей очевидностью обозначившая суть намерений светлейшего в позиционировании образа нового монарха. В тот день Васильевский остров был переименован в Преображенский: «Сего мая 17 дня указали мы впредь сего нашего указа Васильевской остров в письмах писать и словесно называть остров Преображенской, и нашей коллегии иностранных дел о том ведать, а в Сенат, в оные обе военные коллегии о вышеписанном наши указы посланы»¹⁹.

Наряду с указами о пожаловании Меншикова в генералиссимусы (12 мая) и о погребении усопшей императрицы в крепости (16 мая)²⁰, это был один из первых указов нового царствования, что свидетельствует об исключительном значении, которое ему придавалось. Поселив юного Петра на острове (т.е. на территории не только географически, но и символически обособленной) и назвав его Преображенским, а значит, скопировав имя подмосковного села, тесно связанного с именем первого русского императора, Меншиков заявлял о появлении нового Петра, созданного по образу и подобию прежнего. Преображение свершилось.

Отсылки к «Петербуржскому Преображенскому острову» несколько лет фигурировали в официальном делопроизводстве и сохранились в источниках личного происхождения²¹. Новое «Преображенское» при Меншикове начало наполняться смыслом. В том же 1727 г. здесь, всего в нескольких метрах от Меншиковского дворца, был заложен новый императорский дворец. Строительство было поручено архитектору Доменико Трезини. В документах Верховного

¹⁶ РГАДА, ф. 2, оп. 1, д. 29, 1727 г., л. 1–22.

¹⁷ Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета // Сборник ИРИО. Т. 69. СПб., 1889. С. 5, 29–30.

¹⁸ Крушение полудержавного властелина... С. 95.

¹⁹ РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 47, л. 30–34 об.

²⁰ Там же, л. 35.

²¹ См., например: РГАДА, ф. 248, оп. 160, кн. 739, 1729 г., л. 244; кн. 909, 1728 г., л. 74; Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. С. 4; Повседневные записки делам кн. А.Д. Меншикова... С. 554.

тайного совета сохранился указ о скорейшем окончании построек, начатых на Преображенском острове²².

Значимым представляется и строительство в то время моста через Неву между Преображенским и Адмиралтейским островами, который связал дворец Меншикова с Адмиралтейством²³. С одной стороны, это лишний раз подчеркнуло вторичность прежнего императорского дворца, находившегося существенно дальше, у Зимней канавки, а с другой, на визуальном уровне постулировало связь между двумя топографическими зонами – войны и власти. При этом во второй находились и сам Пётр II, и Меншиков.

Вместе с тем очевидно, что Меншиков не стремился реконструировать подмосковное Преображенское первых лет царствования Петра Великого. Так, он, вероятно, не планировал переместить на остров полки петровской гвардии – Преображенский и Семёновский. Ещё в 1721 г. для гвардейских полковых слобод был отведён участок «на Московской стороне от Литейной улицы к Канцам». В 1726 г. преображенцы и семёновцы, впрочем, были передвинуты чуть ближе к центру власти – третьему Зимнему дворцу Петра I. Они должны были разместиться «на той же Московской стороне за Фонтанкой рекою по новой сделанной большой перспективной от Адмиралтейства дороге». Причинами такого перемещения стали «изрядная» вода в Лиговском канале, а также необходимость обустроить («для лучшего плезира») новую представительскую дорогу²⁴. Но в следующем году никакого распоряжения относительно размещения гвардии в северной столице не последовало.

Петровские гвардейцы олицетворяли собой блистательные военные победы и агрессивно проведённые гражданские реформы²⁵, а первый из полков – Преображенский – нёс в названии не только отсылку к первоначальному месту дислокации, но и указывал на саму идею Преображённого царства. Меншиков, однако, не воспользовался этим «символическим капиталом». Возможно, он просто не успел это сделать или планировал использовать в предложенном контексте собственную личную гвардию – Ингерманландский полк. В любом случае буквально воссоздавать или переигрывать историю подмосковной царской резиденции серьёзной необходимости не было. Имя оказывалось здесь абсолютным символом.

Во время своего недолгого регентства Меншиков стремился приобщить Петра II к страсти деда – морю. Так, 21 июня 1727 г. князь и император присутствовали на Галерном дворе на церемонии спуска судов на воду²⁶. Вполне в духе петровских традиций Меншиков подчёркивал связь «морской темы» с образом власти. 3 сентября 1727 г. в западном павильоне дворца светлейшего в Ораниенбауме была освящена церковь св. Пантелеймона. Ключевым в данном случае представляется выбор святого. Две крупнейшие морские победы Петра I (при Гангуте 27 июля 1714 г. и Гренгаме 27 июля 1720 г.) пришлись на день памяти св. Пантелеймона, который, особенно после строительства в Петербурге хра-

---

²² Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. С. 75–76; О дворце см. подробнее: *Ендольцев Ю.А.* Дворец Петра II (Университетская набережная, 11). События и люди. СПб., 2002.

²³ Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. С. 297.

²⁴ Указы Блаженные Вечностойные памяти Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны и Государя Императора Петра Второго, состоявшиеся с 1725 января с 28 числа по 1730 год. СПб., 1780. С. 226.

²⁵ См.: *Болтунова Е.М.* Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М., 2011.

²⁶ Повседневные записки делам кн. А.Д. Меншикова... С. 554.

ма-памятника в его честь, стал почитаться как покровитель моряков. Участие Петра Великого в обустройстве культа этого святого в новой столице сделало его заметным в дискурсе власти 1720-х гг., чем, очевидно, и хотел воспользоваться Александр Данилович при освящении храма в Ораниенбауме, учитывая, что на церемонии должен был присутствовать юный император²⁷.

Надо сказать, светлейший князь стал первым, кому пришлось иметь дело со сложной династической ситуацией Романовых начала XVIII в. Первоначально в официальном дискурсе правящую династию представляла петровская ветвь императорского дома: дед и «бабка» императора – Пётр I и Екатерина I, его тётки Анна и Елизавета Петровны, супруг первой из них Карл-Фридрих, а также старшая сестра Наталья Алексеевна. Анна, Карл-Фридрих и Елизавета подписали упомянутый выше протокол к екатерининскому «Тестаменту»²⁸. Указы, изданные от имени Петра II, с первых дней его царствования постулировали его связь с Екатериной I, которая в указах того периода именовалась «бабкой»²⁹.

Вместе с тем игнорировать недавнюю историю семьи императора также было невозможно. Практически сразу после перехода власти к Петру II Верховный тайный совет объявил об изъятии по всей стране манифестов, изданных в связи с делами царевича Алексея, Степана Глебова и епископа Досифея, а также Указа о престолонаследии 1722 г. Сбор документов проводили воеводы и губернаторы, впоследствии осуществлявшие их отправку в Сенат и Сенатскую контору в Москве³⁰. Изъятию подлежали материалы, которые могли стать поводом для пересмотра вопроса о престолонаследии или напомнить об унижении первой семьи Петра I.

В те месяцы изменилось и положение Евдокии Лопухиной (монахини Елены). Принято думать, что Меншиков всячески противился её возвращению из ссылки³¹, однако всё не так бесспорно. Переведённая при Екатерине I в Шлиссельбург, первая жена Петра I с восшествием на престол внука обратилась к светлейшему князю с просьбой о переводе в Новодевичий монастырь. Её письмо датировано 19 июля 1727 г., Меншиков тогда серьёзно болел. Но после болезни, в последних числах августа, судя по архивным материалам, он получал детальные донесения о переезде Лопухиной в Москву. В них она именовалась «бывшей царицей Евдокией Федоровной» и указывалось, что ей была предоставлена свобода в выборе кельи³².

Стремление Меншикова сгладить противоречия, существовавшие внутри династии, было вызвано необходимостью реагировать на возникавшие или потенциально возможные проблемы. Вместе с тем очевидно, что он не намеревался (а возможно, не успел) предложить новый вариант династического мифа.

---

²⁷ Принято думать, что поведение Меншикова во время освящения этой церкви стало началом его опалы. По словам К.Г. Манштейна, во время церемонии князь «поступил неосторожно, заняв... место в виде трона, предназначенное для императора. И это обстоятельство выставили на вид его враги и тем довершили его погибель» (Цит. по.: *Арсеньев К.* Указ. соч. С. 35).

²⁸ РГАДА, ф. 158, оп. 3, д. 62, 1727 г. Арсеньев первым обратил внимание на то, что находившиеся в Москве «царевны Иоаннова дома не были приглашены в присутствие и в совершение сего акта не участвовали» (*Арсеньев К.* Указ. соч. С. 136). Очевидно, это указывало на их относительно низкий статус при дворе в то время.

²⁹ РГАДА, ф. 158, оп. 3, д. 62, 1727 г., л. 2; Крушение полудержавного властелина... С. 95.

³⁰ Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. С. 290–291.

³¹ Крушение полудержавного властелина... С. 95.

³² Документ также сообщает, что «она изволила воитить в те кельи, где жила царевна Екатерина Алексеевна» (РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 146, л. 14).

В версии Меншикова, юный монарх должен был явить собой второго Петра, т.е. стать копией великого деда не только именем, но и образом.

Разрыв Петра II с Меншиковым и начало опалы князя были оформлены столь же декларативно, как и переезд императора в Меншиковский дворец. Вернувшись в столицу из Петергофа 7 сентября 1727 г., «Его императорское величество изволил... в новом Летнем доме ночевать и с сего времени начать в том доме жить»³³. На следующий день светлейший князь был лишён чинов³⁴. Очевидно, именно с целью устранения каких бы то ни было указаний на особость Меншиковского дворца, уже 16 сентября Верховный тайный совет указал «развесть» мост против Преображенского острова для «удобства судового хода»³⁵.

Вместе с тем изучение документов Верховного тайного совета показывает, что падение Менишкова не привело (по крайней мере в конце 1727 – начале 1728 г.) к отказу от многих предложенных им позиций. Так, в присутствии императора, как и прежде, спускали на воду корабли (28 сентября 1727 г. Пётр II участвовал в церемонии спуска на воду 66-пушечного корабля «Св. Наталья»)³⁶; Васильевский остров сохранил за собой наименование Преображенский³⁷; строительство нового императорского дворца также не было остановлено. 29 сентября Д. Трезини получил деньги на выплаты мастерам, работавшим на Преображенском острове³⁸, в начале декабря 1727 г. Совет затребовал информацию о том, как продвигаются работы³⁹. В то время «каменное зачатое строение» уже готовили к зиме и спешно заканчивали сооружение на острове канала⁴⁰.

Более того, 2 октября 1727 г. Верховный тайный совет предписал ряду государственных учреждений переехать на Преображенский остров и разместиться на территории, прежде принадлежавшей Меншикову, дабы избежать «казённого убытка» от найма для них помещений. Камер-коллегия должна была занять «палаты князя Меншикова, которые на углу возле канала», а Юстиц-коллегия – дом его свояченицы Варвары Арсеньевой. Сенату было приказано разместиться в «Соловьёвском доме» (там ранее жил дворецкий светлейшего князя Ф.А. Соловьёв), который был расположен поблизости от строительной площадки нового дворца и даже, как предполагалось, мог стать частью дворцового комплекса. Сенат, таким образом, оказывался максимально приближен к императорской резиденции, как это было при Петре I, когда заседания проходили в старом Зимнем дворце, находившимся позади нового. Судя по этому документу, к зиме 1727 г. на противоположной стороне реки должен был остаться лишь Синод⁴¹. Преображенский остров становился реальным центром власти.

Верховники продолжили и появившуюся при Екатерине I традицию переименования бастионов Петропавловской крепости. Императрица выбрала для увековечивания своего имени Нарышкин бастион, расположенный поблизости от государева (т.е. бастиона Петра I) в южной части крепости. Для юного Пет-

³³ Повседневные записки делам кн. А.Д. Меншикова... С. 582.

³⁴ Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. С. 271.

³⁵ Там же. С. 297.

³⁶ РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 47, л. 74.

³⁷ Указы Блаженные Вечностойные памяти Великой Государыни... С. 376–377.

³⁸ Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. С. 397.

³⁹ Там же. С. 809.

⁴⁰ Там же. С. 397–398.

⁴¹ Там же. С. 408–409.

ра II был выбран Меншиков бастион, который располагался с другой стороны от государева, на северо-востоке⁴². Очевидно, здесь имело место не только стремление удалить имя светлейшего князя из властной топографии⁴³, но и приблизить в её сфере нового монарха к его великому деду.

В октябре 1727 г. состоялось объявление о будущей коронации Петра II. В тексте не было ни слова о Екатерине I, указывалось лишь, что «известно всем, коим образом по неизреченному всемогущаго Бога милосердию, мы вступили на наследный наш Престол Всероссийской Империи»⁴⁴. При этом сценарий действия в значительной степени копировал екатерининскую коронацию. Как будет показано далее, статус Екатерины I в дискурсе власти не подвергся жёсткой ревизии и после падения Меншикова. Показательно, например, что обращённый к Неве бастион Петропавловской крепости носил её имя вплоть до начала аннинского царствования. Однако можно констатировать, что в то время властная риторика была скорректирована и некоторые её позиции попали в зону умолчания.

Об этом говорит и подготовка самой коронации. Е.А. Тюхменева обратила внимание на то, что в программе триумфальных врат, разработанной для церемонии, доминировала библейская тематика, что объясняется участием в выработке концепции духовных особ, в первую очередь архиепископа Новгородского Феофана (Прокоповича)⁴⁵. Действительно, программа, изложенная им в сочинении «Эмблематы и символы к триумфальным вратам на коронацию императорского величества Петра Второго», состоит главным образом из апелляций к ветхо- и новозаветным персонажам, а также к символическим универсалиям, связанным с репрезентацией императорской власти (орёл, заря, солнце, и т.д.). Вместе с тем Феофану пришлось определиться и относительно династической истории, т.е. указать «прародителей государевых», чьи изображения должны были появиться в оформлении коронационных торжеств. Среди выбранных были Владимир Великий (упомянут дважды), Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Александр Невский, цари Иван Васильевич и Михаил Фёдорович. Новгородский архиепископ также предполагал возможным упомянуть «союз и сродство с цесарем и Вольфенбительским домом»⁴⁶.

Екатерины I, которую первые указы царствования Петра II именовали «бабкой», в «Эмблематах и символах» нет. Пётр I появляется в этом относительно пространным тексте лишь раз, при упоминании символов добродетелей государевых, хотя не прямых отсылок к его образу в тексте значительно больше⁴⁷. Очевидно, перед нами свидетельство осторожности Феофана в нестабильной ситуации второй половины 1720-х гг. История царствующего дома, восходящая к князю Владимиру и вплетённая в сакральный контекст, возникла ввиду возможного сдвига практик легитимации к трактовкам династической истории, не связанным с Петром I. Однако в отличие от остальных предков юного императора, перечисленных в тексте, что называется, «через запятую», образ Петра I

⁴² РГИА, ф. 467, оп. 2, д. 66, ч. 2, л. 474.

⁴³ Анисимов Е.В. Россия без Петра. СПб., 1994. С. 161.

⁴⁴ РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 47, л. 74, 77.

⁴⁵ Тюхменева Е.А. Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII в. Проблемы панегирического направления. М., 2005. С. 102, 108.

⁴⁶ Прокопович Ф. Эмблематы и символы к триумфальным вратам на коронацию Императорского величества Петра Второго // Тюхменева Е.А. Указ. соч. С. 239–240.

⁴⁷ См., например, упоминания значимых для петровского мифа Соломона, Давида, апостолов Петра, Павла и Андрея.

представлен эксплицитно. Феофан предложил для триумфальных врат следующую «картину»: «Статуя, от Петра Перваго недоделанная (которою эмблемою он означил владение свое) и Петр Первый вечностию горé возносимый, смотря на Петра Втораго, на земле стоящаго и орудия статуарныя держащаго, велит ему доделать статую словом, которое в написании сем: “Креписья и соверши”... А сие есть слово Давидово к Соломону»⁴⁸. Здесь Петру I предписывалась особая роль – проводника и образца для своего наследника-продолжателя Петра II, который должен завершить преобразование России, представленной в образе незавершённой статуи.

Небезынтересно, между прочим, обсуждение вопроса о возможности прибытия Петра II в Успенский собор верхом⁴⁹, что позиционировало бы юного императора как монарха-воина. Однако сложившаяся традиция царских шествий, как и явное стремление контролировать юного монарха, не позволила реализовать такую идею.

За несколько дней до объявления о коронации в Москву были посланы указы об устройении мест для проживания императорской фамилии – Московского Кремля, дворцов в селе Преображенском, а также дворца Меншикова в Немецкой слободе⁵⁰. В Кремле было велено готовить Потешный дворец, получивший название благодаря проведению здесь театральных постановок и ещё в конце XVII в. отданный под проживание царевен (построен для тестя царя Алексея Михайловича боярина Ильи Милославского, т.е. мог ассоциироваться с первым браком Тишайшего и наследием царей Фёдора и Иоанна Алексеевичей).

В Преображенском поновлялись Старо- и Ново-Преображенский дворцы. Первый, в котором Пётр I провёл годы регентства царевны Софьи, был заброшен ещё в конце 1680-х гг., затем отдан под театр царевны Натальи Алексеевны. В начале 1720-х гг. его решили перестроить: архитекторы Пётр Еропкин и Тимофей Усов получили от императора приказ составить план работ по его реконструкции. Ново-Преображенский дворец был возведён в 1722 г. на противоположном берегу Яузы на месте и в память известного Нагорного дворца, где Пётр I жил, находясь в Москве⁵¹.

Попавший в поле зрения Коронационной комиссии дворец в Немецкой слободе представлял собой дворцовый комплекс, созданный для другого фаворита Петра I, Ф. Лефорта, и использовавшийся царём для представительских целей, а в 1706 г. подаренный Меншикову, который многое сделал для расширения и украшения ансамбля⁵². В середине 1720-х гг. он находился в хорошем состоянии, о чём свидетельствует сохранившаяся архивная опись⁵³. В историографии за ним закрепилось название Лефортовского (Петровского) дворца на Яузе.

Важно отметить, что Преображенское и Лефортово с Немецкой слободой воспринимались, в том числе и Комиссией о коронации, как один район, терри-

⁴⁸ Прокопович Ф. Указ. соч. С. 238.

⁴⁹ Агеева О.Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М., 2012. С. 58.

⁵⁰ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 34746, л. 1 об., 3, 17–17 об.

⁵¹ Бугров А.В. Яузская Москва. М., 2011. С. 44–48.

⁵² См. об этом: Подольский Р. Петровский дворец на Яузе // Архитектурное наследство. 1951. № 1. С. 31–43.

⁵³ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 34746, л. 61–62 об.; «Реестр, что в Немецкой слободе в доме князя Меншикова полат» опубликован в: Долгова С.Р. Коронация Петра II и дома А.Д. Меншикова в Москве и Петербурге // Труды Государственного Эрмитажа Т. LXIV. Петровское время в лицах – 2012. К 280-летию Первого Кадетского корпуса (1732–2012 гг.). СПб., 2012. С. 139–140.

тория, связанная общей историей. Не зря практически сразу после объявления о приезде императора начали обсуждать вопрос о починке моста через Яузу, соединявшего резиденции петровской эпохи по обе стороны реки⁵⁴. Этот район бесспорно осознавался современниками как петровская Москва. Показательно сохранившееся в комплексе документов о коронации письмо Петра II с распоряжением о подготовке к прибытию Двора: «И в селе Преображенском на дворце и другой дом за Яузою в слободе, где изволил блаженные и вечнодостоинные памяти его императорское величество дед наш государь жить, осмотря, все починить и зделать для прибытия нашего и всеи нашей императорской фамилии в Москву как наискоряе»⁵⁵.

Отметим, что к началу царствования Петра II в Москве и её окрестностях существовали и другие дворцы – перестроенный в начале XVIII в. Измайловский, а также Коломенский, Алексеевский и Воробьёвский. Однако ни один из них не был востребован для размещения императорского двора. Почему так произошло? Бóльшая часть указанных зданий обветшала и требовала ремонта⁵⁶, но кремлёвские палаты, Преображенский и Лефортовский дворцы также пришлось «починивать», «подмазать алебастром и штукатурною работою»⁵⁷. Комиссия по устройению коронации Петра II даже не обсуждала возможность осмотра загородных резиденций на предмет пригодности. Её выбор диктовался главным образом соображениями представительскими, отражавшим мнение о том, что именно являло собой пространство власти Москвы к середине 1720-х гг. Очевидно, по мнению членов Комиссии, оно располагалось либо в Кремле – духовном и церемониальном центре страны, либо в пригороде, оказавшемся при Петре I действительным средоточием власти. Юному монарху предстояло выбирать между условно допетровской и петровской Москвой.

Первоначально перспектива поселить императора в Кремле представлялась многим более реалистичной. Так, канцлер Г.И. Головкин выражал надежду, что государь предпочтёт для жизни покои жены царя Фёдора в Кремле («В пришествие его императорского величества надеемся, что изволит жить в Москве, в Кремле... полаты лутче... в которых преж сего живала царица Марфа Матвеевна»), но указывал, что «велено хором починить в Преображенском и в Москве и то для того где его императорскому величеству лутче жить понравится»⁵⁸. Ему вторил Московский генерал-губернатор князь И.Ф. Ромодановский, предлагавший также отремонтировать «вверху у Спасской соборной церкви комнаты, в которых изволил [жить] блаженной памяти великий государь Иоанн Алексеевич... понеже в оных полатах стенное писмо мало, не все отвалилось»⁵⁹. Очевидно, что Ромодановский был очень доволен своей работой по благоустройству Кремля, поскольку 16 ноября 1727 г. сообщал в Петербург: «Которые полаты в Потешном дворе приуготавливаются про императорское величество и про сестру ево государыню весьма покоины и хороши, и иных лутче выбрать в Потешном дворе полат не надеюсь»⁶⁰.

⁵⁴ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 34746, л. 1 об., 3.

⁵⁵ Там же, л. 17.

⁵⁶ *Евангулова О.С.* Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII в. М., 1969. С. 12–43.

⁵⁷ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 34746, л. 81 об.

⁵⁸ Там же, л. 26 об.

⁵⁹ Там же, л. 81–81 об.

⁶⁰ Там же, л. 155–155 об.

Вместе с тем подготовка Кремля к проживанию императора оказалась сопряжена с целым рядом сложностей. В частности, для освобождения помещений под жильё из «переходов» у дворца в «иные места» требовалось перевести приказ Большого дворца⁶¹. В Петербург вскоре было сообщено, что «понеже приказ болшого дворца при дворце имеетца изстари и в том приказе и над тем приказом в полатах прежних дворцовых, старинных писцовых и межевых, и переписных, и окладных, и приходных, и расходных, и протчих книг и всяких старинных и новых дел и дворцовых же разных посуд и других материалов за замками и за печатями дворцовых разных чинов людей... имеется многое число, которых ис тех полат не токмо вскоре, но и во многие числа перенести невозможно»⁶². Итогом разбирательства стало распоряжение Головкина приказу Большого дворца оставаться на месте⁶³. Одновременно решалась задача по созданию обстановки в Потешном дворце: из домов Меншикова и царевны Натальи Алексеевны забирали и перевозили в Кремль «уборы», т.е. столы, стулья и прочее⁶⁴.

Двор переехал в Москву в начале 1728 г., а 25 февраля состоялась коронация. Вероятно, январь–февраль император провёл в Кремле. Но уже в марте, по сообщениям источников, было решено, что он «будет жить в Слободе во дворце, который принадлежал князю Меншикову»⁶⁵, и вскоре состоялся переезд. По крайней мере, во второй декаде марта император полностью обосновался в Лефортовском дворце. Сохранилось свидетельство, что здесь, в Большом зале, 20 марта юный монарх принял от Синода подношение в виде Библии на 12 языках⁶⁶. Так Пётр II, покинув петербургский Преображенский остров, переместился в Яузскую, т.е. петровскую, Москву. Лефортовский дворец стал его постоянным жилищем на многие месяцы. Лишь потрясшая императора смерть любимой сестры цесаревны Натальи Алексеевны 22 ноября 1728 г. заставила его на время перебраться в Кремль. Однако уже в начале апреля 1729 г. он снова вернулся в Лефортово, где и прожил до своей кончины 19 января 1730 г.⁶⁷

Показательно функциональное использование Кремля в то время. В конце XVII – первой четверти XVIII в. его значение уменьшилось в связи с появлением иных знаковых для власти мест. Однако здесь проводились такие символические действия, как празднование военных побед в Северной войне или коронация Екатерины I. Во второй половине 1720-х гг. использование Кремля было схожим. Так, испанский посол де Лириа, в частности, сообщает о приёме в честь дня рождения императора в 1729 г.: «Думали, что его величество приедет в Москву, и потому всё было приготовлено для торжествования сего дня; но он не приехал, и весь праздник состоял только в большом обеде во дворце, к которому были приглашены все чужестранные министры и первейшие придворные чины»⁶⁸. Таким образом, пребывание юного монарха в Кремле по случаю какой-либо важной даты если не предписывалось церемониалом, то, по крайней мере, могло иметь место.

⁶¹ Там же, л. 17.

⁶² Там же, л. 91–92.

⁶³ Там же, л. 93.

⁶⁴ Там же, л. 5.

⁶⁵ Письма о России в Испанию дука Де-Лириа // Осмнадцатый век. Т. 2. М., 1869. С. 53.

⁶⁶ Барсов Н.И. Черты русской истории и быта эпохи императора Петра II // Исторический вестник. 1891. Т. 46. № 11. С. 413.

⁶⁷ Письма о России в Испанию дука Де-Лириа. С. 167.

⁶⁸ Записки дюка Лирийского // Русский архив. 1909. Кн. I. № 3. С. 372.

Долгорукие с будущей государыней-невестой разместились поблизости от выбранного Петром II дворцового комплекса, в Головинском дворце, семантически связанном с Лефортовским. Историки архитектуры подчёркивают, что усадьбы находились на разных сторонах Язуы vis-à-vis друг друга. Более того, владевший поместьем Головина с 1722 г. Пётр I задумал здесь перестройку дома и сада. Планировка последнего была изменена таким образом, что часть его оказалась на продолжении осей партера Лефортовского дворца и два старых парка соединялись в общую композицию⁶⁹.

Как известно, усиление клана Долгоруких связано со второй помолвкой Петра II. Иностранцы при дворе довольно быстро разгадали замысел этого семейства, когда князь Алексей Григорьевич стал появляться в сопровождении дочерей – 17-летней Екатерины и 14-летней Елены. Тем не менее вопрос о том, кто из них станет невестой императора, какое-то время оставался открытым⁷⁰. Принято считать, что Екатерина понравилась Петру больше. В.О. Михневич, автор пространного очерка о двух невестах Петра – Марии Меншиковой и Екатерине Долгорукой – полагал, что этот выбор носил вполне осмысленный характер. Старшая из сестёр была хорошо образована и честолюбива, а потому «Долгорукие находили её более достойною стать императрицей и более способною поддержать их фамильные интересы»⁷¹.

Возможно, одним из аргументов в пользу Екатерины стало её имя, ведь в случае женитьбы на ней рядом со вторым Петром Алексеевичем на российском престоле оказалась бы и вторая Екатерина Алексеевна. Это предположение подтверждается тем, что в конце 1720-х гг. образ св. Екатерины и связанные с ним государственно-символические структуры ненадолго вновь стали актуальными. Например, обручению Петра II и Екатерины Долгорукой предшествовала большая «поздравительная аудиенция» в Головинском дворце, устроенная для «чужестранных министров» в день св. Екатерины⁷². Государыня-невеста принимала поздравления «как с настоящим супружеством, так и с тезоименитством»⁷³. Сама церемония обручения, состоявшаяся 30 ноября 1729 г. в Большой зале Лефортовского дворца, была значительно более пышной, нежели помолвка императора с Марией Меншиковой. Она включала «шествование» невесты из Головинского дворца в Лефортовский в парадной карете в сопровождении гвардии, поздравление с целованием руки, иллюминацию, фейерверк и бал⁷⁴. В этот день Екатерине Долгорукой был пожалован орден Св. Екатерины⁷⁵.

Значимой в отношении позиционирования образа императора представляется и история с подложным завещанием Петра II. Как известно, во время болезни монарха Долгорукие составили завещание, согласно которому наследницей престола становилась государыня-невеста. Лоббируя свою позицию, они прямо сравнивали Екатерину Долгорукую с Екатериной I. Об этом сообщал австрийский посол Вратислав: во время обсуждения вопроса о передаче власти

⁶⁹ Евангулова О.С. Указ. соч. С. 39.

⁷⁰ Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сборник ИРИО. Т. 5. СПб., 1870. С. 318; Донесения французского поверенного по делам при русском Дворе за 1727–1730 г. Год 1727 // Там же. Т. 75. СПб., 1891. С. 104; Письма о России в Испанию дука Де-Лирия. С. 121.

⁷¹ Михневич В.О. Указ. соч. // Исторический вестник. 1898. № 3. С. 580.

⁷² Записки дюка Лирийского. С. 373.

⁷³ РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 16, л. 3 об.

⁷⁴ Там же, д. 16.

⁷⁵ Мария Меншикова также имела орден Св. Екатерины.

«Долгорукие стали рассуждать, что помолвка равносильна браку и что, подобно тому, как Екатерина была преемницей Петра I, невеста Петра II должна после него наследовать престол»⁷⁶.

Обращение к образу Екатерины⁷⁷ происходило на фоне участия в ряде властных ритуалов Евдокии Лопухиной. Её после возвращения в Москву также начали именовать «государыня бабка», что породило странное сосуществование в дискурсе власти того периода двух жён императора Петра I. Впрочем, противоречия преодолевались за счёт формирования образа консолидированной власти. Так, во время обручения присутствовавшие на церемонии члены династии были разделены на две группы. Государыня-бабка Евдокия Лопухина и будущая государыня-невеста Екатерина Долгорукая сидели рядом, по левую сторону от балдахина, под которым должно было свершиться обручение (по правую располагалось кресло Петра II). За ними было устроено место для Елизаветы Петровны, двух дочерей царя Иоанна (герцогини Мекленбургской Екатерины и царевны Прасковьи Иоанновны), а также дочери первой из них 11-летней принцессы Мекленбургской Анны Леопольдовны. При этом стулья, на которых сидели дамы, были «немного назад отодвинуты»⁷⁸. Это совместное появление по сути являло собой идею династического единства, позднее ставшую традиционным элементом репрезентации власти. На церемонии нашлось место как представителям обеих семей Петра I, так и потомкам его соправителя царя Ивана. Долгорукие и в этом отношении продолжали политику, начатую Меншиковым, который схожим образом оформил церемонию объявления екатерининского «Тестаментa».

Можно утверждать: традиция символической легитимации власти послепетровского периода возникла при активном участии Меншикова. Базовым принципом являлась апелляция к образу первого русского императора, что и позволило создать сценарий «второго Петра». При этом смена правящих группировок во второй половине 1720-х гг. мало повлияла на политическую образность – Долгорукие в поиске формулы власти также обратились к наследию и фигуре Петра I.

Вместе с тем нельзя не отметить, что возможность нового позиционирования власти не только существовала, но и ожидалась, что именно и побудило Феофана (Прокоповича) вспомнить древнерусских князей, московских царей, а членов Комиссии о коронации – выбрать для проживания Петра II Московский Кремль. Однако система, едва качнувшись, вернулась в прежнее состояние. Очевидно, следует поставить вопрос о степени готовности аристократической среды того времени (в том числе и тех, кого принято причислять к «московской» партии) обратиться к прежнему, допетровскому дискурсу. Возврат к старине, о котором так много говорили иностранцы⁷⁹, не желавшие переезжать из Петербурга в Москву, зачастую был не более чем фигурой речи. Восстановлению прежней образности мешала избыточность символического нарратива, созданного Петром I. Чтобы вернуться в старомосковское, его нужно было заново изобрести.

⁷⁶ Цитата по: *Михневич В.О.* Указ. соч. // Исторический вестник. 1898. № 3. С. 590.

⁷⁷ Эта образность оказалась не близка императрице Анне Иоанновне, в правление которой день св. Екатерины исчез из списка государственных праздников (*Marker G.* Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. Dekalb, 2011. P. 139).

⁷⁸ РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 16, л. 5 об.; Записки дюка Лирийского. С. 414–415.

⁷⁹ См., например: Письма о России в Испанию дука Де-Лирия. С. 89.

Примеры А.Д. Меншикова и А.Г. Долгорукого – не единственные. Показательна первая встреча императора Петра II со своей бабкой Евдокией Лопухиной. Наставляя юного монарха изменить образ жизни, та повела себя вполне в духе новой традиции, предложив внуку жениться «хотя даже на иностранке»⁸⁰. Всё это помещало Петра Великого в центр универсума русской власти, вынуждая последующих монархов XVIII в. уподоблять себя планетам, совершающим движения вокруг Солнца, и действовать по отношению к первому русскому императору словно бы в соответствии с легендой, выбитой на коронационной медали его внука, – «От тебя, с тобою и к славе твоей».

---

⁸⁰ Там же. С. 51.

«Какое облегчение в подушных деньгах крестьянству учинить?»: финансовые реформы в проектах и мнениях второй половины 1720-х гг.

Артур Мустафин

**«How can we relieve the peasants' duty in paying the tax poll?»
Financial reforms in projects and opinions of the second half of the 1720s**
*Arthur Mustafin (National Research University Higher School
of Economics, Moscow, Russia)*

Хорошо известно, что на заседаниях Верховного тайного совета, созданного вскоре после смерти Петра I, активно обсуждались своеобразные «контрреформы». Идеи верховников, направленные, в частности, на ревизию фискальных реформ Петра I, остались нереализованными, а деятельность созданных ими комиссий не привела к изменениям в податной системе, что открывает перед историками широкий простор для построения всевозможных концепций. При этом, обращаясь к одним и тем же источникам – проектам и мнениям бывших сподвижников Петра I, исследователи приходят к совершенно разным выводам.

Первым, кто поставил задачу проанализировать совокупность мнений членов Совета, был Н.П. Павлов-Сильванский. Он подчёркивал, что «допетровские порядки не пугали верховников», ставивших вопрос о возвращении к подворной системе раскладки податей. В то же время критика реформ Петра, по мнению историка, была обусловлена не только идеализацией прошлого, но и опасениями бюджетного дефицита¹. К неоднозначным выводам пришёл

© 2016 г. А.Р. Мустафин

Статья создавалась в период работы в статусе приглашённого исследователя Центра гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ по программе «Карамзинские стипендии 2015 г.», поддержанной Фондом Михаила Прохорова. Автор выражает благодарность И.И. Федюкину, Е.С. Корчминой, М.Б. Лавринович.

¹ Павлов-Сильванский Н.П. Мнения верховников о реформах Петра Великого // Очерки по русской истории XVIII–XIX вв. СПб., 1910. С. 379–380, 383.